

Лейкин Николай Александрович

**Вне рутины. Счастье
привалило. Две повести**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Вне рутины. Счастье привалило. Две повести / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 266 с.

ISBN 978-5-519-92971-4

ISBN 978-5-519-92971-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВНѢ РУТИНЫ.

ВНѢ РУТИНЫ.

I.

СОНЯША! Смотри-ка, какое странное письмо я сейчас получила!—крикнула Манефа Мартыновна Заборова своей дочери изъ маленькой столовой, гдѣ только что сейчас заварила кофе и поставила кофейникъ на бензиновую грѣлку.—Удивительно странное письмо.

— Отъ кого?—откликнулась изъ другой комнаты дочь, сидѣвшая за столикомъ и раскрашивавшая красками фарфоровую тарелку, изображая на ней какой-то швейцарскій пейзажъ.

— Отъ нашего сосѣда Іерихонскаго.

— Отъ какого Іерихонскаго?—спрашивала дочь, входя въ столовую.

Это была красивая дѣвушка, брюнетка, лѣтъ двадцати шести, съ роскошными волосами въ видѣ тюрбана на макушкѣ, но уже съ нѣкоторыми слѣдами притиранья на лицѣ, одѣтая въ черную шерстяную юбку и красную канаусовую кофточку, опоясанную широкимъ поясомъ съ большой бронзовой пряжкой. Мать, женщина лѣтъ пятидесяти, довольно полная, съ полусѣдыми волосами, въ сѣ-

рой фланелевой блузѣ, съ добродушнымъ лицомъ и пенснѣ на полу, сидѣла около кофейника и держала въ рукѣ письмо.

— Отъ какого Іерихонскаго? — повторила дочь, опускаясь на стулъ.

— А вотъ, что наша прислуга называетъ генераломъ, который живетъ надъ нами, — сказала мать.

— Опять, должно быть, что-нибудь насчетъ музыки? Онъ тутъ какъ-то присылалъ къ намъ кухарку просить, чтобъ ночью не играли на піанино и не пѣли, потому что онъ заснуть не можетъ.

— Нѣтъ, другъ мой, совсѣмъ о другомъ пишетъ. Письмо престранное и тебя касается. То-есть, просто, удивительное письмо. Да вотъ, послушай.

Мать поправила на полу пенснѣ и стала читать:

„Милостивая государыня, Манефа Мартыновна! Вотъ уже второй годъ, какъ я имѣю честь быть Вашимъ сосѣдомъ, живу съ Вами и дочерью Вашей Софіей Николаевной подъ одной кровлею, по одной лѣстницѣ и, хотя не былъ представленъ Вамъ, но отлично знаю Васъ, какъ почтенную даму и мать, и Вашу дочь, какъ благоправную и почтительную дѣвицу. По всей вѣроятности, и Вы меня знаете, какъ тихаго и скромнаго сосѣда, много разъ видѣли меня въ лицо, но, все-таки, позвольте отрекомендоваться: я вдовъ, служу на видномъ мѣстѣ, дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, имѣю отличія, нахожусь въ возрастѣ пятидесяти лѣтъ, но еще бодръ, свѣжъ и крѣпокъ, имѣю нѣкоторый достатокъ, скопленный благоразуміемъ и экономіей, при всегда трезвой и нераспущенной жизни. Но буду, однако,

кратокъ. Дочь Ваша Софія Николаевна мнѣ очень нравится какъ по своей красотѣ, такъ и по благонравію и скромному поведенію.—Я провѣрялъ свои чувства къ ней и нашелъ, что это есть не что иное, какъ любовь. На основаніи всего выше-сказаннаго беру на себя смѣлость объяснить, что если я не противенъ дочери Вашей и Вамъ, то я не прочь-бы посвататься къ ней и предложить ей руку и сердце. Если чувства Софіи Николаевны и Ваши могутъ отвѣчать въ утвердительномъ смыслѣ на мой вопросъ, то прошу Васъ, многоуважаемая Манефа Мартыновна, извѣстить меня въ теченіе трехъ дней, съ назначеніемъ дня и часа, когда я могу явиться къ Вамъ и лично отрекомендоваться Вамъ и Вашей дочери. Детали при свиданіи. Долженъ, однако, прибавить, что, располагая нѣкоторыми запасными средствами, я не ищу приданого или какихъ-либо иныхъ матеріальныхъ выгодъ при женитьбѣ на Софіи Николаевнѣ; получаемый мною окладъ вполне достаточенъ для скромнаго, безбѣднаго существованія съ супругой и могущей образоваться семьей“...

— Нахаль! - сказала дочь и спросила:—Все?

— Нѣтъ, нѣтъ. Еще есть, — отвѣчала Манефа Мартыновна и продолжала:

„Обыкновенно, такія предложенія принято дѣлать черезъ какую-либо ловкую женщину, въ просторѣчій именуемой свахой, но я считаю это слишкомъ сѣрымъ и унижительнымъ для себя. Зачѣмъ намъ сваха, если я грамотенъ и владѣю даромъ слова! Надѣюсь, что въ данномъ доводѣ и вы со

мною согласитесь. Сватаюсь не по рутинѣ. Рутину долой. Буду внѣ рутинны.

Затѣмъ еще нѣсколько словъ, достоуважаемая Манефа Мартыновна. Если сердце Вашей дочери подскажетъ отрицательный отвѣтъ на мой запросъ, если встрѣтится и Ваше неодобреніе моему почтительному предложенію, то покорнѣйше прошу Васъ вовсе мнѣ не отвѣчать. Молчаніе Ваше въ теченіе трехъ сутокъ отъ сего полудня будетъ служить мнѣ отказомъ и я съ покорностью, хотя и съ глубокой болью въ сердцѣ, покорюсь моей участи.

Прошу, милостивая государыня, принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и искренней преданности. Вашъ покорный слуга дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Антіохъ Захаровъ Іерихонскій“.

— Старый дуракъ!—произнесла дочь, сдѣлала гримасу и подернула плечомъ.

Мать сдѣлала строгое лицо и проговорила:

— Постои, Соняша. Не бросай такъ грязью. Письмо въ высшей степени странно, предложеніе крайне оригинально, но оно имѣетъ нѣкоторые... какъ-бы это сказать... основанія. О предложеніи его можно подумать.

— Да полноте, мамепька. Онъ съума сошелъ, этотъ нахаль!—былъ отвѣтъ.

— Письмо почтительное, а не нахальное.

— По моему, наглое. Что онъ тамъ семинарскихъ-то расшаркиваній пасажалъ, такъ этимъ дѣла не подкрасишь. Оселъ. Выѣденная молю шуба!

Дѣвушка негодовала.

— Зачѣмъ-же такъ ругаться-то?—останавливала

ее мать.—Ты называешь письмо наглымъ. Но вдумайся, мой другъ, хорошенько: что тутъ такого особенно наглаго? Онъ правду пишетъ. Вѣдь сватаются-же люди черезъ свахъ. По моему, это даже хуже...

— Вы, стало быть, становитесь на его сторону. Считаете возможнымъ, что онъ можетъ быть моимъ женихомъ!—проговорила Соняша и нервно начала мѣшать ложечкой налитый себѣ въ чашку кофе.

— Ни на чью я покуда сторону еще не становлюсь, но считаю нужнымъ обдумать его предложеніе, тѣмъ болѣе, что у насъ времени достаточно. Ты видишь, онъ предлагаетъ на размышленіе три дня.

— Да какъ онъ смѣетъ предлагать! Смотрите, какой великодушный! Кто ему далъ это право!

— Пойди, Соняша... Послушай...

Дѣвушка хлебнула изъ чашки горячаго кофе и обожглась.

— Ничего я слышать не желаю!—воскликнула она.—Вы, кажется, начинаете въ серьезъ... Ну, какой онъ женихъ для меня! Старикъ! Старая обезьяна.

— Напрасно. По моему такіе мужчины стариками еще не называются. Онъ пожилой человѣкъ, но не старикъ. Сама ты мнѣ какъ-то недавно читала, что въ Англіи среди аристократовъ пятидесятилѣтніе мужчины считаются еще молодыми.

— Такъ то въ Англіи, и это было приведено, какъ шутка. Наконецъ, тамъ среди аристократовъ. А это какой-же аристократъ! Судя по фамиліи, поповичъ.

— И у насъ, милый другъ, есть нынче заслу-

женные поповичи, которые среди аристократовъ вращаются.

— Такъ не онъ-же...

— Однако, какъ хочешь, а дѣйствительный статскій совѣтникъ, генералъ, стало быть, его превосходительство.

Дочь умоляюще взглянула на мать.

— Оставьте, маменька, объ этомъ разсуждать, а письмо разорвите и бросьте.

— Съ какой-же стати бросать? Это своего рода документъ. Я его спрячу, я должна все-таки гордиться, что къ тебѣ сватался генералъ.

— Вы хотите гордиться этимъ? — вскричала дочь.— Ну, хорошо, хорошо! Тогда я вотъ что сдѣлаю: я сейчасъ напишу ему письмо. Напишу такъ... Милостивый государь такой-то... Возьмите зеркало, посмотрите на себя въ него и оно вамъ скажетъ отвѣтъ—пара-ли вы для молодой дѣвушки!

Дѣвушка вскочила со стула и направилась въ другую комнату. Мать послѣдовала за ней и испуганно бормотала:

— Соняша... Ты этого не сдѣлаешь! Не дури... Оставь!.. Не пиши... и, наконецъ, письмо вѣдь не къ тебѣ, а ко мнѣ писано. Брось.

II.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ сосѣда Іерихонскаго цѣлый день не выходило изъ головы ни у матери, ни у дочери. Дочь при каждой встрѣчѣ съ матерью повторяла:

— Каковъ нахаль! Я про Іерихонскаго...

А мать спокойно отвѣчала:

— Ничего я тутъ, Соняша, особенно нахальнаго не нахожу. Во всѣ вѣка, во всѣ времена свободные мужчины сватались къ дѣвушкамъ и по сейчасъ сватаются. Лучше было-бы что-ли, если-бы онъ къ тебѣ посватался черезъ сваху!

-- Я и сваху-бы прогнала.

— Да, это ты. А десятки, сотни дѣвушекъ, подобныхъ тебѣ безприданницъ, сочтутъ такую партію для себя очень приличной, и обѣими руками ухватятся за Іерихонскаго.

— Мало-ли есть самопродажъ!—бросила отвѣтъ Соняша въ лицо матери.

— Да вѣдь это какъ понимать. Всякій выгодный бракъ тогда можно считать за самопродажу. А много-ли браковъ по любви-то совершаются?—разсуждала мать.

— Если не по любви, то по расположенію. А тутъ какой-то противный старикъ Аптіохъ Захарычъ... Настоящій Антиохъ!—прибавила брезгливо Соняша.

— Статскій генераль, матушка, его превосходительство. Вѣдь это титуль. На одно это дѣвушки инья бросаются.

— Инья, а не я,—отрѣзала дочь.

— Позволь. На кого ты-то рассчитываешь? На кого?—спрашивала Манефа Мартыновна.—На Михаила Леонтыча, что-ли? Такъ этотъ лейтенантъ уѣхалъ въ кругосвѣтное плаваніе да и писать пересталъ.

— Не правда-съ... Изъ Кадикса я отъ него получила письмо, изъ Портъ-Саида... Потомъ изъ...

— Да когда это было-то? Годъ назадъ.

— Опять ложь. Всего только девять мѣсяцевъ.

— Девять мѣсяцевъ. Шутка сказать, девять мѣсяцевъ! Нѣтъ, ужъ это не женихъ, и ты его изъ списковъ выключи.

— Да ужъ выключила. Можете быть спокойны,—рѣзко отвѣтила дочь, сдѣлала рукой жестъ по направлению къ матери и слезливо заморгала глазами.—Это удивительно!—прибавила она.—О чемъ бы дѣло ни зашло, сейчасъ вы начинаете Михайломъ Леонтьичемъ попрекать. Вѣдь не обручился же онъ со мной, а только намекнулъ. Намекнулъ, сказалъ, что бѣденъ и поѣдетъ деньги прикапливать.

— Ну, вотъ видишь... Сама-же ты мнѣ въ руку... А за девять мѣсяцевъ молчанія онъ давно могъ и забыть тебя. Мужчины, другъ мой, очень скоро очаровываются и очень скоро отрезвляются отъ очарованія.

— Да ужъ слышали, слышали, тысячу разъ про это слышали! Вспомните, сколько вы мнѣ про это напѣвали. Я слова ваши наизусть выучила. А за Антіоха вашего все-таки не имѣю ни малѣйшаго желанія выходить, хотъ онъ и генераль... Видѣла я его на лѣстницѣ нѣсколько разъ... Гладкобритое лицо, очки—ну, совсѣмъ обезьяна.

— Когда-же это обезьяны въ очкахъ ходятъ! — замѣтила Манефа Мартыновна.

— Не острийте пожалуйста! Вы очень хорошо